

В БОЛЧЕКРОИВЪ

ХАРОН

Что это –
справедливость
по-русски?

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

Рискованные игры

Валерий Бочков

Харон

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочков В. Б.

Харон / В. Б. Бочков — «Эксмо», 2016 — (Рискованные игры)

ISBN 978-5-699-92124-9

Говорят, Харон – перевозчик душ умерших в Аид – отличается свирепыми голубыми глазами. Американский командо Ник Саммерс, он же русский сирота Николай Королев, тоже голубоглаз и свиреп и тоже проводит на тот свет множество людей, включая знаменитого исламистского Шейха. Ник пытается избежать рока – но тот неминуемо его настигает и призывает к новому походу по Стиксу. Судьба ведет его в далекую, но все равно родную для него Россию...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92124-9

© Бочков В. Б., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	8
2	10
3	13
4	15
5	18
6	20
7	22
8	24
9	27
10	28
11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Бочков

Харон

© Бочков В., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

В четырнадцать лет я убежал из дома. Это был мой второй побег, первый раз я удирал еще в России из звенигородского приюта. Тогда мне только стукнуло девять, я был сопляк и дурак. Меня поймали на третьи сутки на Казанском вокзале.

На этот раз я подошел к вопросу по-взрослому. Раздобыл армейский компас, распечатал крупномасштабную карту, такую подробную, что на ней были нанесены не только грунтовые проселки, но даже тропы, броды в реках, ручьи и источники с питьевой водой.

Из карманной мелочи и денег на кино я скопил девяносто пять долларов. В рюкзак упаковал спальный мешок на гагачьем пуху (рюкзак и спальник выцыганил на барахолке за двадцатку у одноглазого сержанта), алюминиевую флягу, пять упаковок галет с изюмом и орехами, большое красное яблоко.

В боковой карман рюкзака спрятал нож, настоящую охотничью финку с хищными зубцами на конце лезвия и мелким, почти незаметным, но обидным клеймом «Сделано в Китае». Ножи должны производиться в Мексике, в Марокко, в Испании. В каком-нибудь Толедо сухощавыми и загорелыми брүнетами с уверенными пиратскими лицами. Или в Швеции среди диких фьордов и клюквенных болот. На худой конец в Финляндии, ну уж никак не в Китае.

Из Чикаго автобусом я добрался до Виргинии; по странному совпадению я снова бежал на юг, правда, на этот раз на другом полушарии. В Ричмонде, в придорожной закуской, мне удалось уболтать мелкую старушонку, она подбросила меня на своем розовом «плимуте» к Монтичелло. Оттуда на лесовозе, груженном пахучими соснами, я добрался до Совино Ручья.

Я вырос в казенных интерьерах, где стены покрашены мышьиной краской, мокрой и холодной на ощупь, где чувства классифицируются по степени их рациональности, где понятие «выживание» имеет буквальное значение. Страх – деструктивная эмоция, страх мешает выживанию; не будучи смельчаком, я научился не бояться из соображений рациональности. Когда меня перевели в старшую группу, там, в Звенигороде, на той же неделе Гогу нашли повешенным в душевых. Списали как самоубийство, хотя из-под лопатки у него торчала обломанная заточка, и все знали, что это заточка Хвоща. А помогали труп вешать Джуга и Дятел. Это тоже знали все. Гога один раз вступился за меня, а когда его убили, я промолчал. Я струсил и предал его из соображения рациональности. Я не рассказывал про интернат никому – ни Блейкам, ни в школе; не потому что поначалу был слаб в английском, я просто не хотел снова погружаться в ту толщу боли. Да и не понял бы никто.

Лесовоз скрылся за поворотом, я достал карту и сразу нашел Совиный Ручей. Самого ручья видно не было, я стоял на обочине рядом с ржавым указателем, пробитым дробью как решето. Где-то надрывно звенела цикада. Солнце уже садилось, и макушки придорожных сосен затейливыми кружевами чернели на фоне розового неба. Обрывки мелких облаков плавно тянулись на восток, на миг мне показалось, что я вижу, как вращается Земля, – сосны, фиолетовый лес за ними, тихо прокручивались под неподвижным зефирным куполом.

Тропа шла в гору, новые кеды упруго ступали по опавшим иголкам, бурым и мягким, как медвежья шерсть. С ветки беззвучно сорвался ястреб, нырнув под сосновые лапы, све-

чий взмыл вверх. Я вздрогнул от неожиданности, птица едва не задела меня крылом. Где-то слева, за густым орешником, ворчал ручей. Оттуда тянуло сырým холодом.

Впереди, за черными стволами, открывалась поляна. На дальней опушке стоял человек в долгополом пальто, он целился из ружья в корягу. Быстро темнело, по траве полз туман, казалось, что мужчина по колено забрел в какую-то муть. Коряга вдруг ожила, человек отпрянул. Я уже вышел на поляну и увидел, что это был волк. Его передняя лапа угодила в капкан. Зверь не скулил, молча следил за человеком, за ружьем. Я подошел ближе. Волк поймал мой взгляд, несколько секунд глядел мне в глаза, безнадежно и тоскливо. После обреченно отвернулся к лесу.

– Что вы делаете? Так нельзя, подождите, – остановился я и крикнул, сжав кулаки. – Нельзя!

Мужчина удивленно повернулся.

– Поляк, что ли? – спросил он.

На нем было холщовое пальто, мягое, словно скроенное из старых мешков. В бритой угловатой голове было что-то рачье, то ли розовато-красная кожа, то ли белесые выпуклые глаза с седыми ресницами. «Раковая шейка» – вспомнил я странное название конфет. Бровей на лице не было.

– Не поляк, – огрызнулся я. – Русский.

– Вот и ступай своей дорогой, русский.

Волк слушал, я видел настороженное ухо. Сосновый бор почернел и придвинулся, где-то за ним закатилось солнце. Небо напоследок засветилось персиковым, нежным, почти волшебным сиянием. По диагонали протянулась ртутная жилка – след самолета.

– Ну да! Вот если бы вас так, – я зло поддернул рюкзак, – безоружного...

– Как? – тихо спросил он. – Как так?

– Вот так, в упор.

Его рачье лицо отливало розоватым блеском, короткий нос казался покрыт лаком. Он неожиданно улыбнулся, выставив крупные зубы.

– Тебя как звать, парень? – Он приблизился ко мне почти вплотную.

– Николай.

– Ты думаешь, Николай, так легко убить? Ты думаешь, всех-то дел – на крючок нажать.

Да?

Рак был длинным малым, на голову выше меня. От него воняло сырým костром – горький, противный запах. Он сплюнул в траву.

– Мой отец говорил: каждый день ты должен кого-то убивать. Муху, крысу. Каждый день... – Рак засмеялся. – Тогда в решающий момент рука не дрогнет. В решающий момент...

Он неожиданно протянул мне ружье.

– На! Попробуй сам.

Ружье оказалось старым двухзарядным «ремингтоном», увесистым, гораздо тяжелее, чем я ожидал, цевье было теплым и скользким от его потных рук. Мой указательный палец осторожно лег на маслянистое железо. Мне всегда казалось, что оружие должно придавать уверенности, на деле я ощутил неудобство и растерянность.

– Приклад в плечо... Вот так...

– Знаю... – Я вжал приклад в плечо. – Ну и?

Рак сделал шаг назад, неожиданно приподнял ствол «ремингтона» и упер его себе в грудь. Я замер, хотел сглотнуть, во рту была сушь. Палец мелко дрожал на спусковом крючке.

– Ну и? – тихо передразнил он меня.

Его выпуклые глаза гипнотизировали, я не мог отвести взгляда от этих водянистых, в розовых прожилках, воспаленных глаз, от белых ресниц, похожих на свиные щетинки. Мне пришла неожиданная мысль, что он альбинос.

– Ну что, Ник, – так же тихо спросил он. – Сможешь? Или кишка тонка?

«Ремингтон» стал вдвое тяжелее. Страшно хотелось пить. Снизу, из желудка поднималась тошнотворная слабость, между лопаток скользнула щекотная капля. Если бы ствол не упирался в его грудь, у меня вряд ли хватило сил удержать ружье.

– Вот видишь, – ласково проговорил он. – Не так это просто – убить. Навык нужен.

Левой рукой он взялся за ствол, мои пальцы разжались сами. Он ловким жестом перехватил ружье за цевье, уверенно прижал ствол к волчьей голове и выстрелил.

1

Мы развелись через два с половиной месяца после моего возвращения из Пакистана. Выплатили кредит за «рэнглер», переписали дом на имя жены. Бывшей жены. Она снова стала Хелью Борг, дети – старшему уже двенадцать, младшей Анне – семь, тоже стали Боргами. Мое имя постепенно начало исчезать. Исчезать с почтовых конвертов, со счетов за газ, электричество, исчезать из жизни.

Я научил детей прятаться в ванной при первых признаках опасности, ванная – самое защищенное место в доме. Моя жена научилась обращаться с дробовиком, винтовка всегда в спальне, я объяснил Хелью, под каким углом лучше стрелять сквозь дверь, чтобы избежать рикошета. Сразу после учебного года они с детьми переедут на Западное побережье, куда-нибудь в Калифорнию или Орегон. Здесь, в Виргинии, на лужайке перед нашим домом уже стояла вывеска «Продается».

В апреле, во время очередного медосмотра я пожаловался на депрессию.

– Суицидальные мысли? – спросил доктор, тюкая по клавишам ноутбука двумя пальцами.

Я пожал плечами, кивнул, разглядывая серый линолеум, неубедительно изображающий мрамор.

– Алкоголь?

– Ну-у...

Док поднял голову, разнял очки – дужка на переносице соединялась магнитом. Две стекляшки повисли на груди.

– Удобная штука... – заметил я.

– На спиртное не налегай. – Он не хотел поддержать разговор про свои замечательные очки. – А депрессия... депрессия – это нормально. После того, что вы там...

– Может, таблетки? Я просыпаюсь каждую ночь в два, не могу заснуть до утра.

– На спиртное не налегай, – повторил доктор.

Соединил очки и начал что-то выстукивать на клавиатуре.

Через неделю я подал рапорт. Самое забавное, что если бы меня пристрелили в Алла-таббаде или раньше, в Афганистане или Ираке, Хелью до конца жизни получала бы за меня приличную пенсию, мои дети бесплатно окончили бы колледж – любой, на выбор. Всей семье была бы гарантирована медицинская страховка Минобороны.

До выхода в отставку мне оставалось два с половиной года – тридцать один месяц. Подавая рапорт, я нарушал контракт и лишался пенсии, выходного пособия, страховки.

Командир отряда, капитан первого ранга Ригли отложил бумагу, долго тер лицо ладонями.

– Ник, не горячись. – Он поднял на меня красные, будто заплаканные глаза. – Тут надо все как следует обмозговать...

– Куда уж дальше, – перебил я, – мозг уже в трубочку свернулся от мозгования!

– Да погоди ты...

У меня тряслись руки, я сжал кулаки, сунул их в карманы.

– Мы можем попробовать, – капитан подбирал слова. – Я могу связаться с Бюро... я уже говорил с Грубером... Они предложили включить тебя в программу защиты свидетелей...

– Это которая для стукачей из мафии?

– Грубер сказал, у них есть вариант в Милуоки. Шофером на пивной трейлер... Пиво развозить, короче... Новое имя, социальный номер, квартира.

– Пиво? – Я зло засмеялся. – А как с Хелью? Ее куда? В стрип-бар, на столе плясать?

Капитан снова начал мучить лицо.

– А дети? Что с ними? Их куда? – Я встал, быстро прошел от стены к стене. – Куда?

В кабинете пахло сырой побелкой, было душно. Где-то за стеной играло радио, передавали что-то классическое. Я хотел расстегнуть воротник, пальцы не слушались, я дернул, пуговица весело зацокала по полу.

– Я все понимаю, – сказал я в стену; капитан за спиной замычал, как от зубной боли. – Просто не могу больше. Сломался. Перегорел, как лампочка. С виду вроде ничего, а внутри – хлам.

– Что ты собираешься делать? – спросил капитан.

– Исчезнуть. Для начала. – Я сел, скрестил руки на груди. – Они ведь до меня доберутся.

И я не говорю «если», я спрашиваю «когда». Это вопрос времени.

– М-да, – промычал Ригли. – Вопрос времени.

– И это будет не снайпер...

– Не снайпер, – согласился он. – Не их стиль.

– Я не могу подставлять Хелью, детей. – Я дотянулся до пластиковой бутылки, сделал глоток, поставил воду обратно на стол. – Я как зачумленный, находиться рядом со мной опасно для жизни.

– Ник, – сипло начал капитан, закашлялся. – Ник... Я что-нибудь придумаю. Я тебе обещаю. Обещаю...

Он встал, шумно и торопливо, словно боялся, что я улизну, наклонился и неуклюже обнял меня за плечи. Я привстал, смущенно похлопал его по спине. От него разило тем же солдатским одеколоном, что и шесть лет назад. Тогда меня только зачислили в отряд, и я был уверен, что я самый везучий сукин сын на белом свете.

Официально отряд именовался скучно и длинно – Специальное подразделение по особым операциям, в документах и приказах мы проходили под кодом «Группа Z», на внутреннем жаргоне нас дразнили «похоронной командой».

Шесть лет назад я утонул. На вступительном экзамене нужно было пройти кучу тестов – физических, психологических, интеллектуальных и еще черт знает каких. Один сбой, одна ошибка, и все – до свиданья. Последний экзамен проходил под водой: надо было завязать шесть узлов морским штыком на глубине пяти метров. Я нырнул, на шестом узле потерял сознание. Меня вытащили, откачали. Первое, что я спросил: «Как узел? Я завязал последний?» Капитан Ригли засмеялся: «Да. Утонул, но завязал. Добро пожаловать в «похоронную команду».

2

В моей памяти прочно застряла картина, даже скорее не изображение, а ощущение, – так обычно запоминаются запахи: мы только вернулись на базу в Аргам, я стоял посреди комнаты и жевал сэндвич с ветчиной и сыром. На полу лежал труп Шейха, по телевизору шла прямая трансляция из Белого дома. Президент говорил, что герои из элитного спецподразделения морской пехоты провели безукоризненную операцию, в результате которой был обезврежен террорист номер один. Я глядел на мертвого Шейха, на живого президента, жевал сэндвич и думал: «Мать твою! Ведь это он про нас говорит. Про меня! Эй, кто-нибудь, разбудите меня!»

В морскую пехоту я попал случайно. Почти случайно – по причине разбитого сердца, как поют в ковбойских песнях. Виной тому стала Кэрол Замански, соседская сероглазая пигалица (русые локоны, томный взгляд, клубничные губы – трафаретный набор, запах детского пота пополам с ворованной маминой парфюмерией, мучительные поцелуи в чахлой роще за Ржаным кладбищем), коварно предавшая мою юную любовь буквально перед самым выпускным вечером. Жизнь кончилась, душа почернела и умерла, осколки разбитого сердца больно ранили изнутри молодое, но никому не нужное тело.

Я слепо брел по улицам, солнце гвоздило из зенита, асфальт был белым, словно в пепле. Мне хотелось прекратить эту муку. Как угодно, любым способом. Я уткнулся в дверь с плакатом и надписью «Ты нам нужен!». Я решил, что обращались именно ко мне. На плакате был изображен лихой малый, упитанный и самоуверенный, в парадной морской форме с золотыми галунами. Особенно меня впечатлили белые перчатки и сияющее лезвие сабли с затейливым эфесом. Я толкнул дверь. С таким же успехом в тот день я мог бы угодить в тюрьму или оказаться матросом на корабле, уходящим в кругосветное плавание.

Так что президент мог бы заодно поблагодарить и Кэрол Замански. Если б не она, кто знает, куда меня вывела бы кривая: в менеджеры по продажам какого-нибудь хлама, в страховые агенты, в горнолыжные тренеры в Колорадо или в полицейские в Чикаго. Или, может, я гонял бы сейчас пивной трейлер где-нибудь по дорогам Ми-луоки.

В феврале мы вернулись из Ирака. Обычная миссия, от Аль-Асада до Рамади у нас было три цели. На жаргоне они именуются «целями повышенной ценности». Это обычно штабы, координационные центры, склады оружия, иногда полевые командиры. Обычно мы работаем ночью, в районе Аль-Асада цель находилась в доме посреди деревни, я решил действовать днем.

У меня два «сикорских-47», на борту каждого – по тринадцать человек. Плюс два дога, натасканных на взрывчатку. Я посадил свой вертолет прямо во дворе, второй сел снаружи. Группа оцепила периметр, чтобы деревенские не совались. Нам постоянно мылят шею за жертвы среди мирного населения. Вся операция заняла семь минут. На следующий день по округе пошли слухи, что вчера в деревню с неба спустились бесы с двумя огнедышащими львами.

Потом мы вернулись, началась обычная переподготовка в Майами. Жара еще не навалилась, апельсиновые деревья отцвели, но в воздухе еще держался неуловимый аромат, похожий на смесь жасмина с лимоном. Белые стены домов утром становились розовыми, а яхты на горизонте были как на офорте – четкие, словно процарапанные тонкой иглой на синем небе.

Я понял, что заваривается что-то серьезное, когда нас неожиданно перебросили в Виргинию, но не на нашу базу в Литл-Крик, а в какие-то тайные бараки в горах. Место напоминало заброшенный туристический лагерь: дощатые постройки, заколоченные окна, мох на

крышах, общая уборная в виде теремка. Под этой декорацией пряталось несколько этажей, набитых электроникой и персоналом.

Поначалу они просто ввали, первый брифинг проводили двое штатских, явно из разведки. Говорил рыжий, помоложе, с веснушками на сдобных бабьих руках. Загигал что-то про подводный кабель, поврежденный во время японского землетрясения, потом ни с того ни с сего перевел разговор на Ливию. Второй, усталый малый, с лицом алкоголика, с отвращением пил кофе из картонного стакана и молчал.

Я слушал и прикидывал, что вообще происходит в мире. Афганистан, Ирак, Иран – весь регион, обычные наши пациенты. Конечно, Ливия. И, конечно, Пакистан. Самая серьезная головная боль. Каждый брифинг я жду роковых слов: «Группа террористов овладела ядерным устройством, которое в настоящее время переправляется на территорию нашей страны. Более подробной информацией разведка не располагает».

Только потом до меня дошло, что они к нам присматривались. Не только эти двое – рыжий и алкаш, в комнате по углам висели камеры. На третий день меня и еще пять человек из группы отправили в Харви-Пойнт, в центр ЦРУ в Северной Каролине. Вот тут-то все и закрутилось: такого количества генералов я не видел за всю предыдущую жизнь – из Пентагона, Командования специальными операциями, Секретариата обороны, разведки.

В понедельник, в комнате, похожей на класс, нам объявили, что получена достоверная информация о местонахождении Шейха. На территории Пакистана, в пригороде Аллатаббада. Трехэтажный дом за каменной стеной.

– Я на сто процентов уверена! – горячилась румяная симпатичная девушка-аналитик из разведки. – Вот он! Этот длинный! Вот! Видите, держится особняком. В шляпе.

Нам показывали спутниковую съемку отличного качества. Шейх, не без чувства юмора, на прогулки надевал ковбойскую шляпу. Явно опасался спутниковой съемки и, как выяснилось, был абсолютно прав. Два шофера, три машины – два джипа и пикап, тринадцать человек охраны внутри, пост снаружи, у ворот. Плюс женщины и дети, с Шейхом там обитали три его жены. Короче, настоящий табор.

Тони Бузотти, стенобой из моей команды, малый из Нью-Джерси, похожий на сицилийского рыбака, вежливо поднял руку. Как в школе.

– Ребята, если вы так уверены, что это Шейх, – он улыбнулся аналитику из управления, – почему бы вам не накрыть этот санаторий с дрона? Точечным ударом? Вмазать прямо по шляпе – и вся любовь, а?

– Да вмазать-то можно, – согласился генерал-майор. – Вмазать – дело нехитрое. Нам труп нужен. Труп.

Бузотти понимающе кивнул.

Все верно: если мы ликвидируем Шейха, но у нас не будет тела со стопроцентной идентификацией личности, мы сыграем на руку Аль-Лакхар и всему их чертову джихаду – мы сделаем Шейха бессмертным.

– Но ведь паки – наши союзники, – не унимался Бузотти. – Вроде как...

– Вот именно, вроде как, – мрачно подтвердил генерал. – Два года назад мы сообщили их разведке, что выследили Шейха в приграничном районе. Шейх моментально исчез.

Тут до меня дошло, почему операция окружена такой таинственностью, – нас отправляют на территорию суверенного государства. Нашего союзника. Еще мне стало ясно, что вернуться живым из Аллатаббада будет непросто. Я посмотрел на карту – как минимум сорок минут полета от афганской границы. Сорок туда, сорок обратно. Радары, противоздушная оборона, ракеты, истребители.

Как ни странно, сама операция меня не очень беспокоила. В конце концов, это именно то, что мы делаем: прилетаем и уничтожаем цель. С наименьшими потерями среди мирного населения.

– Слышь, Ник, – наклонился ко мне Квинт, индеец-чероки и мой лучший снайпер. – А если нас собьют?

– Если собьют, то нас отдадут под суд, а после мы окажемся в пакистанской тюрьме, где нас до второго пришествия будут ставить раком пакистанские уголовники.

Квинт недоверчиво поморщился и отвернулся.

– Генерал, – я привстал, – у меня вопрос относительно транспортировки. Полтора часа несанкционированного полета?

Генерал кивнул какому-то штатскому с умным лицом в роговых очках. Тот встал.

– На двух вертолетах «Чинок» мы установили стелс-систему пятого поколения, отражает пеленг на высоте до семисот метров. Вы будете невидимы для радаров... – Он снял очки, близоруко поглядел на меня и добавил: – На девяносто пять процентов.

– Пять процентов! – прошептал мне Квинт и сделал неприличный жест.

3

Началась отработка операции. Сначала на плане, потом на модели. Построили дом, стену, будку для охраны. Аналитики были уверены, что спальня Шейха на третьем этаже.

– Что, правда, у него там три жены? – спрашивал Бузотти. – Силен мужик, ему ж за полтинник!

– Пятьдесят семь. А младшей жене семнадцать. Две старые тетки в основном по хозяйству – дети, стирка.

– Нормально! Грымзы носки штопают, а дерет он, значит, эту школьницу. Вот ведь устроился, сукин сын!

– А ты, Тони, в магометанство запишись!

– Да я с одной Сюзанн едва справляюсь, куда уж мне три штуки потянуть!

Тренировки шли ночью, по периметру были выставлены авиационные прожекторы, чтобы снаружи не было видно, что там творится внутри. У нас забрали мобильники и ноутбуки, мы подписали грозные бумаги, что об операции не скажем ни слова. Ни до, ни после. Домой я звонил по местному телефону из душной кабинки со стеклянной дверью и колченогим стулом. Кроме нас с Хелью в трубке постоянно присутствовал некто с тяжелым дыханием – они даже не скрывали, что прослушивают. Уверен, делалось это намеренно.

– У меня херовое предчувствие, – Квинт подошел ко мне после ужина. – Ты же знаешь, вся эта халабуда заминирована. Набита динамитом под завязку на все три этажа.

Я знал. Обычно в домах полевых командиров взрывчатка подвешивалась к потолку в центральной комнате – так взрыв получался наиболее разрушительным. Иногда пояса с пластиком надевали на домашних – жен, детей.

– Вождь, – улыбнулся я. – Если там действительно Шейх, я не думаю, что у кого-нибудь, кроме него, есть право нажать на кнопку. А этот сукин сын, судя по всему, в сказки про девственниц в райских куцах не очень верит. Он же не козопас. У него гарвардский диплом.

Наши не любят говорить об этом, но Шейх – это наш монстр, наш гомункулус. Его откопал сенатор Уильямс в конце афгано-советской войны, юный Шейх тогда был полевым командиром среднего пошиба где-то под Кандагаром. Уильямс – маньяк-антисоветчик, уверенный, что афганская кампания может смертельно измотать СССР, приволок Шейха в Вашингтон. Кажется, его даже принимал вице-президент. Пропаганде нужен был герой, борец с коммунизмом, национальный символ свободолюбивого афганского народа. Им и стал Шейх. Он вернулся в горы со «стингерами» и непререкаемым авторитетом суперзвезды.

Советы вывели войска, сенатор Уильямс умер от передозировки кокаина, а у нас на руках оказался весьма способный молодой человек с амбициями трансатлантического масштаба.

– Ладно, пошли спать, – сказал я Квинту.

Он молча смотрел в темноту. Опускалась ночь, южная, влажная, с безумным звоном невидимых цикад. Кончалась суббота, операцию назначили на понедельник.

– В любом случае, если нам и предстоит... – я запнулся. – Короче, если мы сыграем в ящик, то давай уж постараемся сделать это как следует.

– С музыкой? – засмеялся индеец.

– С музыкой.

План был прост и почти изящен. «Под покровом ночи», точнее, в три ноль-ноль, первый «Чинок» приземляется снаружи, группа «А» (тринадцать человек) начинает атаку. Задача – отвлечь внимание противника, заставить его сконцентрироваться на отражении внешней атаки. В три ноль семь второй «Чинок» зависает над зданием и вторая группа

(группа «Б» – шесть человек) спускается на крышу, одновременно по периметру проникает внутрь через окна, уничтожает цель. На всю операцию отводилось семнадцать минут.

– Самое сложное будет вернуться, – каперанг Ригли аккуратно провел рукой по бритой голове. – Не Шейх и его нукеры, а авиация паков. Если они поднимут истребители...

– Если они успеют поднять, – перебил его полковник из Штаба спецопераций. – Ребята, вы должны пересечь границу не позднее четырех ноль-ноль.

– Ясно дело, – хмыкнул Бузотти. – Из-за нас вы вряд ли начнете войну с Пакистаном.

– Вот именно, – согласился полковник. – Есть вопросы?

Когда выходили из комнаты, меня кто-то тронул за рукав. Я повернулся – аналитик из разведки.

– Вы командир второй группы, – быстро спросила она без вопросительного знака.

Я кивнул.

– Он на третьем этаже. Его спальня. На третьем этаже, я уверена...

– На сто процентов? – Я улыбнулся; у нее была молочная кожа, на щеке уже расцветал румянец.

Она запнулась и покраснела вконец.

– Все будет хорошо... мисс Харрис. – Я прочитал имя на табличке. – Это наша работа. Мы прилетаем, находим засранца, моем ему шею. И улетаем. Все очень просто.

4

Мы писали письма. Мы все писали письма в последнюю ночь. Я сидел в тесной норе с покатым земляным полом и писал письмо детям. Оно будет доставлено в случае моей смерти. В случае если я не вернусь. Поскольку шансы в основном распределялись между двумя вариантами конца: быстрым – непосредственно во время акции и медленным – в пакистанской тюрьме.

Думаю, я неважный отец. Во время февральского отпуска, в последний выходной, я купил себе солнечные очки «Прада» за триста пятьдесят баксов. Детям – какую-то игру: Анне – куклу, Алексу – трансформера. В общем, подарков долларов на двадцать от силы.

Меня эти чертовы очки потом, уже в Афгане, мучали весь месяц. Что ж я за сукин сын? Что это, эгоизм? Лишь потом до меня дошло, что дело вовсе не в очках. Просто я готовился к смерти. А уж если умирать, то красиво. Со стилем. Гражданские кладут покойника в гроб в выходном костюме, нас хоронят в запаянных цинках. Что внутри этих ящиков, мы никому не рассказываем, да и между собой не говорим на эту тему. А парадная форма с кортиком и медалями остается семье.

На взлетном поле под Джелалабадом нас провожал вице-адмирал из Объединенного штаба. Он произнес речь, я не понял ни слова – я уже был там, в доме за каменным забором.

«Сорок седьмые» включили движки, Бузотти сквозь шум прокричал мне в ухо:

– Надеюсь, паки не станут сажать наши вертушки, а просто собьют на обратной дороге.

Потом я узнал, что когда вице-адмирал делал доклад в Белом доме, кто-то спросил:

– А что, если пакистанские части окружают их во время операции? На земле?

– Тогда они сдадутся и вы отправите вице-президента или госсекретаря вести переговоры в Пешавар об их...

– Нет, – перебил его президент. – Наши ребята не сдаются. Этот вариант мы не рассматриваем.

Перелет в один конец – девяносто минут, вертолет взял вправо, когда мы пересекли границу. Я считал до тысячи и обратно, чтобы убить время. Обрывки мыслей возникали, путались, думалось обо всем и ни о чем сразу. Цифры хоть как-то приводили голову в порядок.

Антирадар, похоже, работал. Но все равно «Чинок» – дура размером со школьный автобус. На высоте в шестьсот метров. И все это – в воздушном пространстве суверенного государства.

Мы сидели на складных стульях пляжного типа – своих, мы их всегда приносим с собой. Откидные скамейки вертолета больше похожи на инквизиторский реквизит: через полчаса у тебя затекает все тело, начинает ломить спину. За шесть лет в «похоронной команде» я заработал артрит, у меня смещены два диска и еще полдюжины мелких болячек. С годами начинаешь бережнее относиться к своему телу, как правило, уже после того, как непоправимый ущерб нанесен.

Последние двадцать минут полета меня занимала мысль сугубо физиологического характера: перед посадкой я забыл отлить и теперь прикидывал, сумею ли дотерпеть до конца операции. Как говорил сержант Гловер в учебке, здоровенный негр со стальными зубами, мой первый наставник и мучитель: «Лучше нассать в штаны, чем идти на задание с полным мочевым пузырем».

Для наших групп разработали на этот случай специальные памперсы, говорят, вполне удобные. Я никогда не пробовал, идея мочиться под себя перед боем как-то не очень меня воодушевляет. Короче, я отлил в пластиковую бутылку из-под воды, завинтил пробку и сунул в карман.

Насколько все-таки ироничен наш мир: когда через пятнадцать минут я всадил две пули в лоб Шейха – злодея мирового масштаба и террориста номер один, – в моем кармане лежала бутылка с мочой. Моей, еще теплой мочой.

Первая группа приземлилась в два пятьдесят шесть – время пошло.

Наш «Чинок» завис над крышей. Меня поразило, что на севере светился огромный город, справа петляла череда фонарей, которые, как маяки, вели к полю для гольфа. Из-за поля выглядывали коренастые виллы за белеными каменными оградами. Мы, очевидно, нанесли визит в весьма зажиточный пригород Аллатабадда. Мне почудился дразнящий перечный запах, что-то среднее между паприкой и жженым кофе. Еще мне показалось, что эта чужая, пряная ночь – на нашей стороне.

Подожвы коснулись бетонной крыши. С этого момента мозг и тело начали работать в автоматическом режиме. Шестнадцать лет тренировок, напоминавших скорее пытку, чем процесс обучения, выдрессировали меня физически, психологически и морально принимать наиболее оптимальное решение не думая. И действовать моментально.

Доли секунды отделяют тебя от цинкового ящика под звездно-полосатым флагом и речей на Арлингтонском кладбище. Умение и инстинкт – вот слагаемые успеха. В данном случае под успехом подразумевается твоя жизнь.

Бузотти подтащил мощный стенобой – смелый гибрид между отбойным молотком и лазерной пушкой – к надстройке в углу крыши. Там оказалась железная дверь, ведущая на чердак. Дверь крякнула и скрутилась, как жестянка от консервной банки. За дверью была глухая кирпичная стена.

– Фальшак! – крикнул Бузотти.

– Отлично! – ответил я, цепляя карабин троса к ржавой скобе и пробуя на прочность. – Значит, внутри действительно что-то стоящее.

Два моих снайпера остались на крыше, мы спустились по стене на уровень третьего этажа. Внизу, на земле, шла беспорядочная пальба, по большей части сухой треск «калашниковых». Нижний отряд первым делом взорвал трансформатор, и охрана стреляла наобум, в темноту. На нашей стороне были внезапность и приборы ночного видения.

Бузотти высадил ближайшее окно, мы оказались внутри. Пустая квадратная комната; я толкнул дверь, за ней – коридор. Стреляли уже внутри дома, я различил тугие очереди наших «кобр». Дальняя дверь распахнулась, в коридор выскочила женщина. Я вскинул карабин, но на спуск не нажал. Выстрелил Бузотти. Женщина остановилась, словно передумала спешить, тихо сползла по стене.

– Баба! Мать твою! – выругался Бузотти.

Он нырнул в приоткрытую дверь. Я распахнул противоположную дверь и увидел Шейха. Тот держал за плечи женщину в долгополой ночной рубаше и подталкивал ее к выходу, прямо на меня. Оба тарасились в кромешную тьму страшными, безумными глазами. Меня они не видели, я мог различить даже серьги в ее ушах. Это была младшая жена, Амаль – неожиданно я вспомнил ее имя.

Шейх выглядел растерянным. И был гораздо выше, чем я ожидал. Обычно все эти злодеи при личной встрече оказываются невзрачными коротышками. Гораздо мельче, чем ты себе их воображаешь.

За эту секунду я подумал: какой он длинный и какой худой, и борода совсем короткая и седая. На голове – белая шапочка, которые они носят, а волосы стрижены почти под ноль. На Амаль не было пояса, но взрывчатка могла оказаться на Шейхе. Он, словно меня учуяв, замер и медленно поднял свой знаменитый тупорылый «калашников». Я выстрелил два раза, обе пули вошли в лоб. Шейх повалился навзничь рядом с кроватью. Я включил инфракрасный прицел и выстрелил еще раз. Бап! В лоб.

Я наклонился. Шейх не двигался, он был мертв. Из рта вывалился язык, глаза закатились. Я услышал, как из его грудной клетки выходит воздух; звук был похож на глубокий, усталый выдох. В углу скулила Амаль.

Я сидел на корточках, на полу лежал мертвый Шейх. Господи, промелькнуло у меня в голове, ведь это все на самом деле. И это сделал я. Еще я понял, что с этого момента моя жизнь уже никогда не будет прежней. Я услышал детский плач: у стены, на кровати сидел пацан лет двух, младший сын Шейха. Я взял его на руки, отнес к матери. Господи, господи, ну при чем тут дети, думал я. Из коридора уже слышалась ругань Бузотти, топот армейских ботинок. Вся акция на третьем этаже заняла пятьдесят секунд.

5

Капитан Ригли позвонил утром. Спросонья я не мог найти телефон, было душно и голова болела как-то по-особенному немилосердно.

– Есть идея, Ник, – бодро сказал каперанг. – Не по телефону.

Кажется, я не произнес ни звука. В трубке пиликали гудки, я нажал отбой.

Тесть капитана, отец его супруги Гвен-Элизабет (слово «жена», равно как и «женщина», а не «дама», к мисс Ригли совершенно не подходили) умер два года назад. Зять получил в наследство охотничий дом где-то в глухомани, в районе Зеленых гор, на юге штата Вермонт.

Стрельба занимала значительное место в жизни капитана первого ранга Ригли; наша «Группа Z», конечно, не «Дельта» – эти маньяки проводят на стрельбищах по шесть часов ежедневно, – но и нам иногда приходится стрелять. Короче, капитан относился к охоте скептически и палить из ружья в свободное от работы время не собирался.

– Глушь! – с тихим восторгом проговорил Ригли. – Кромешная глушь...

– Глушь не может быть кромешной, – буркнул я. – Тьма может.

Капитан не обратил внимания.

– Мы там были прошлым летом. Ни Интернета, ни мобильной связи. Сигнала нет, с одной стороны – горы, с другой – лес. Чащоба, сосны всякие, ели... Гвен отказалась там ночевать, пришлось тащиться в Монпелье. В «Рэдиссон». Пятьдесят семь миль.

– Почему? – угрюмо спросил я.

– Что почему?

– Отказалась ночевать...

Капитан хмыкнул, ловко распечатал пачку жевательной резинки, сунул пластинку в рот.

– Хочешь? Мятная.

Резинка оказалась приторной, по вкусу напоминала детскую зубную пасту. Очень хотелось выплюнуть, но я покорно жевал.

– «Девяносто минут» не смотрел вчера? – Ригли достал ключи, отстегнул один. – У Бузотти интервью брали...

– Не смотрю ящик.

Капитан положил ключ на стол.

– Не знаю, Ник, как ты ко всей этой катавасии с Тони относишься...

– Никак, – почти грубо перебил я. – Никак не отношусь. Мы получили задание, полетели, выполнили. Что еще?

Ригли хотел что-то сказать, но меня уже понесло.

– Если Бузотти хочет покрасоваться и быть героем – пожалуйста! – Я встал, с грохотом отпихнув стул. – Мне плевать!

– Не ломай мебель. Казенная. – Капитан тоже поднялся. – Плевать ему... Шейх был не просто их руководителем. Он был их пророком. И хочешь ты или нет, тебе придется с этим жить до могилы.

– Вот этот момент особенно воодушевил. Спасибо, кэп.

– Не петушишься, Ник. Аль-Лакхар сегодня на девяносто девять процентов – болтовня. Маркетинг джихада с использованием веб-технологий...

– Речь идет о моей семье. Один процент – слишком высокая вероятность.

– Держи. – Он подвинул ключ на край стола.

Я взял ключ. Мне стало стыдно – каперанг в моих неприятностях (назовем это мягко) никак не виноват. И Бузотти тут тоже ни при чем – ему кажется, что он ухватил жар-птицу

за хвост и из пастуха вот-вот превратится в чудесного принца. Винить журналистов и телевизионную сволочь тоже глупо – эти мать с отцом за ломаный грош продадут. Да и нужно ли вообще искать виноватых?

– Возьми джи-пи-эс, непременно возьми. – Капитан дописал адрес, аккуратно сложил лист пополам, потом еще раз, провел ногтем большого пальца по сгибу. – Я серьезно: глушь кромешная.

Я вдруг вспомнил ту девчонку, аналитика из разведки, Харрис. Когда мы вернулись на базу в Виргинию, я столкнулся с ней в коридоре.

– Вы оказались правы, он действительно был на третьем этаже. – Я достал из кармана патрон и протянул ей. – Это из моей обоймы, той самой. На память.

Она растерялась, хотела что-то сказать, но вдруг заплакала. Зажав патрон в кулак, отвернулась к стене. Я так и стоял рядом, не зная, что делать.

6

– Не прогонишь?

На пороге стоял Бузотти, выставив как пропуск бутылку дорогого скотча.

Я пожал плечом, равнодушно распахнул дверь. Страшно хотелось вмазать по его довольной роже. Чтоб кубарем скатился по крыльцу и застрял в кустах отцветающей сирени.

Прошли на кухню. Он сел, отвинтил пробку. Пытался казаться серьезным и строгим, но его так и распирало, так и пучило от нежданно подвалившего счастья. Я вспомнил, как во время рейда в Фаллуджи Тони под пулеметным огнем полез спасать какую-то дворнягу.

Он быстро разлил скотч по стаканам, двинул один в мою сторону. Я молча взял, посмотрел на свет, мир тут же стал янтарным, тягучим, с плавными углами и невнятными очертаниями.

– Я им сказал, что я его не убивал, – Бузотти торопливо выпил, поморщился. – А этот продюсер, сука, так повернул... А потом еще они там вырезали... Вот и получилось, что вроде как это я Шейха закоптил.

Я молча отпил, подержал скотч во рту, проглотил. На полу валялись игрушки, пестрые мелки, розовый кто-то раздавил, маленькие розовые следы вели в коридор и упирались в дверь детской. Бузотти подлил в мой стакан виски.

– Достойное бухло, правда, Ник? Почти столярник за пузырь...

Я кивнул.

– Они мне говорят: такой фарт раз в жизни бывает. И вправду, это ж как в лотерею выиграть! И даже лучше. Лотерейную капусту профукал – на девок, гульбу, тачки... А этого дохлого Шейха можно за милую душу доить до второго пришествия. Я вон уже контракт на книгу подписал... Звонил какой-то хмырь из Голливуда – за сценарий пять миллионов предлагал. Я Джеку перезвонил, он говорит: не суетись, срубим в три раза больше. А Джек, он с самим Спилбергом в гольф...

Бузотти постепенно замолчал. Словно у него кончился завод, как у игрушек с пружиной внутри. Он поник и уставился на стакан.

– А помнишь... – не поднимая глаз, начал Тони, – под Басрой... Когда Локхард в гарем угодил. Он кричит им: «Дамы, где Халид?» А за ним Хью вломился, бабье со страха враспынную. А этот Локхард: «Дамы, где Халид?» Вот умора...

Конечно, я помнил: суннитский поселок на юге. Искали Халида, местного партийного феодала, родственника Саддама. По данным разведки, где-то в окрестностях находилось хранилище зарина. А Хью Уиллис, двухметровый негр, до службы играл в нападении сборной Алабамы. Там, в поселке, на нем был противогаз и костюм химзащиты. И Хью, и Локхард, и еще одиннадцать наших ребят через два года погибли. Их вертолет был сбит «стингером» в Афгане в провинции Кунар.

– А помнишь этого, как его? – Бузотти засмеялся, хлопнул в ладоши. – Ну как его?.. С прибором?

– Абрар-эль-Кувейти.

– Точно, Эль-Кувейти! Когда раздели для опознания тела, у него елдак до колена оказался. Саймон говорит, так и запишем: Эль-Кувейти с прибором.

Бузотти заржал.

Саймон погиб глупо: обыскивали дом, он раскрыл шкаф, там пацан лет десяти. Саймон ему – иди сюда, не бойся. А на мальчишке был пояс. Смертники долго не думают, кнопку нажал, и в рай.

– Ник, послушай. – Бузотти перестал смеяться. – А давай вместе... Ну, сценарий и вообще... Ты ведь тоже рапорт подал, да? Джек говорит, на компьютерных играх можно

очень мощную капусту срубить. Да и вообще, если эта канитель раскрутится, на одной рекламе такие бабки сделаем – мама не горюй! Кроссовки, майки, шоколадки всякие... Будем как Майкл Джордан!

Бузотти расстегнул запонки, закатал тесные рукава белой рубахи. От запястий к локтям поднимался репейник кельтских узоров. Татуировка шла и выше, к плечам. На спине Бузотти был набит череп, обвитый змеями.

– Шоколадки, говоришь... – негромко начал я. – Шоколадки – дело, конечно, заманчивое. Но вот, Тони, в чем загвоздка: ведь Шейха убил не я. И не ты. И не мы с тобой. И даже не наша «похоронная команда».

Бузотти хотел что-то сказать, я жестом его остановил.

– Шейха завалили мы все – наша группа, наш эскадрон, капитан Ригли, разведка, эта девчонка Харрис, ребята из штаба, которые планировали миссию...

Я допил остатки скотча.

– А еще Саймон, Хью, Локхард. И все наши, кто разбился в Кунаре. Мы все его завалили, понимаешь? Мы все.

Я громко поставил стакан на стол.

– И не могу я торговать ботинками и майками. Я собирал Саймона, собирал в мешок по частям, руки, ноги... А после Кунара я всю неделю ездил с похорон на похороны, встречался с родителями, детьми, с женами... Вдовами... И неважно, что ты им говоришь или они тебе, смысл всегда один: ты здесь, живой, а он там, в запаянном ящике.

– Что ж я теперь, казниться должен, что козлопасы засадили ракетой не в наш вертолет? Что я живой вернулся? Так, что ли? – Бузотти медленно встал. – И не хера мне эту звездно-полосатую пропаганду разводить, мы не на «Фокс Ньюс»! Армейское братство, патриотизм... Много они за твой патриотизм заплатили?

Когда Бузотти злился, его глаза светлели, из серых становились почти белыми. Он вперился в меня своим рыбьим взглядом.

– Знаешь, Ник, – тихо сказал он. – Я бы за тебя под пулю встал, не думая ни секунды. Там, в Дерьмостане. Но здесь... Здесь – другое дело. Здесь каждый за себя. Ты уж извини, брат.

Я тоже встал. Тони дышал мне в лицо сивухой. Я дотянулся до бутылки, нашел пробку, завинтил. Взял бутылку за горлышко. Тони смотрел мне прямо в глаза, смотрел зло.

– Каждый за себя, – повторил я. – Все верно. Если тебе нравится работать цирковой мартышкой на телевидении или в Голливуде – пожалуйста, я не против. Хочешь корчить из себя Рэмбо – ради бога. Хочешь врать, как ты собственноручно завалил Шейха, – ври на здорovie. Только тогда уж свяжись с муджахидами из «Знамени пророка», пусть они поставят твою фотографию и твой адрес на своем сайте. Вместо моих. Так, я думаю, будет правильно. И для рекламной кампании твоих шоколадок сподручнее.

Где-то вдали завывла сирена пожарной машины. Тоскливый бесконечный звук повторялся снова и снова, то приближаясь, то почти растворяясь в уличных звуках. Бузотти хотел что-то сказать, но лишь пожевал губами, повернулся и пошел к двери.

– Эй, – окликнул я его. – Бухло забыл, – и с размаху кинул бутылку.

Тони обернулся, одной рукой небрежно поймал виски за горлышко. Вышел, хлопнув дверью. Реакция у него всегда была хоть куда.

7

В моей памяти, подпорченной контузиями и алкоголем, события и места перемешались и теперь, подобно узорам детского калейдоскопа, складывались в произвольные композиции с причудливой географией и неожиданными сюжетами. Каждую ночь я просыпался около двух и не мог заснуть до рассвета. Эти несколько глухих часов полусонное сознание развлекало меня затейливыми коллажами из моей жизни, в которых рыжие закаты Басры разливались над пыльной афганской пустошью где-то под Кандагаром. С грязной отарой на крутом склоне, каменной изгородью и парой черных птиц в небе. Или всплывали ультрамариновые небеса, усыпанные яркими звездами, предположительно в дельте Тигра, с контурами островерхих крыш Багдада, пылающего персиковым заревом, после атаки вакуумными бомбами. Начало операции «Страх и ужас».

Мы спускались из тьмы на наших немых вертолетах (в видениях аудио по непонятной причине отсутствовало), приборы ночного видения превращали мир в расплывчатый зеленоватый мираж – изумрудные муджахиды бесшумно палили из «калашниковых», Тони беззвучно высаживал ворота, мы врывались внутрь. По двору между развешенных тряпок металась женщины, собаки. Моя лукавая память изображала происходящее плавно и грациозно – чистый балет. Думаю, отсутствие звука – криков и пальбы – здорово помогало.

На самом деле миссия похожа на крушение поезда. Страшная своей неукротимой мощностью, неизбежностью и стремительностью, акция обычно занимает не больше десяти минут. Любое противодействие летально. Каждый из нас выдрессирован до автоматизма, у каждого своя четкая задача, вместе мы – безукоризненный механизм. Машина смерти. Мы не солдаты, мы не ввязываемся в нудные перестрелки, мы прилетаем, находим, убиваем. Это единственное, что мы умеем делать. Но делаем мы это лучше всех.

Под конец операции прочесывали логово командира – армейская койка с ворохом серых простыней, голая лампочка на скрученном проводе, тумбочка, лосьон после бритья (точно таким я пользовался в учебке), пара осколочных гранат. Без разбора сгребали в мешки все бумаги, мобильники, компьютеры, диски. После стрельбы и криков ночь, казалось, звенела тишиной, лишь потом я догадывался, что это зудели жирные навозные мухи.

Или вот еще сюжет. Он прокручивался в моей памяти с незначительными вариациями, иногда менялись декорации, иногда – второстепенные персонажи и массовка. Душный, яркий полдень. Обычно задником служит Арлингтонское кладбище, порой вместо виргинских вязов и игрушечной церквушки с островерхим куполом там появлялись долговязые пальмы и бирюзовый кусок плоского океана (наша тренировочная база в Майами). По траве в идеальном порядке расставлены белые кубики надгробий, похожие на кусочки сахара.

Мы хороним Кевина. Я подхожу к микрофону, начинаю говорить. Солнце в зените, от слепящих лучей трава сияет, словно пластик. Отделение пехотинцев в парадной форме, родня в черном, аккуратный прямоугольник могилы, рыжая почва. Земля в Виргинии дрянь – сплошная глина. На орудийном лафете гроб под флагом, от красных и белых полос рябит в глазах. Я произношу скучные фразы, истертые банальности про героизм и родину. Вдруг замолкаю, все вопросительно смотрят на меня. Мне страшно от того, что я сейчас скажу. Я перевожу взгляд с заплаканной Нэнси на отца Кевина, рассеянного здоровяка, похожего на дальнобойщика. Он явно пьян, но это состояние, пожалуй, наиболее подходит для ситуации, поскольку я сейчас скажу, что Кевина, там, в Фаллудже, разорвало на куски и нам удалось найти лишь его ногу. Именно ее мы сейчас и хороним.

Под утро видения становились бессюжетными, напоминали любительскую киносъемку, скучную и скверно смонтированную. Такое обычно показывают гостям после десерта в хороших домах, где хозяева любят путешествовать по экзотическим странам.

Преобладали охристые цвета. Песок, пыль, камни – пустыни на любой вкус, от землисто-красных, похожих на запекшуюся кровь, до нежно-лиловых под мохнатыми чернильными облаками где-то в провинции Хармез. Горы, горы. Бесконечные горы. Вот голубая гряда на далеком горизонте, напоминающая добротный мираж, манящий и прохладный. А вот серые гордые пики в прожилках снега, похожего на скользкую слюду. Крутые отроги, отвесные обрывы. Узкие ущелья, скорее всего, уходящие напрямик в ад. Апрельская зелень Джелалабадских хребтов сменялась мрачным нагромождением диких колоссов на севере Курдистана, похожих на застывших в молитве великанов.

Постепенно окно моей спальни из серого становилось мутно-белым, я вставал и брел на кухню. Наливал бурбона, глотал махом, как микстуру. Тихо ступая, чтобы никого не разбудить, возвращался в спальню. Засыпая, вспоминал, что дом пуст. Что Хелью с детьми уже в Калифорнии.

8

Покидал я Виргинию душным утром. С юга напознала серая хмарь, собирался серьезный ливень. Закрыв входную дверь, я по привычке сунул ключ в карман, тут же сообразив, что мне он больше не понадобится. Я не сентиментален, но осознание бесприютности больно резануло. Настроение, и до этого бывшее на нуле, резко сползло в минусовую область. Я обернулся, взглянул на дом, сад. Подсолнух, который посадила моя дочь в мае, за полтора месяца вымахал футов на семь и был на голову выше меня.

До Вермонта – пятьсот с лишним миль. Я выехал на девяносто пятое шоссе, пробрался в левый ряд и погнал на север, превышая разрешенную скорость на пятнадцать миль. Пробок не было – если так и дальше пойдет, все путешествие займет от силы часов девять. За окном проносились неинтересные окрестности, искалеченные бесконечной стройкой – груды бетонных плит, горы глины, ядовито-желтые грузовики, краны, похожие на больных членистоногих, туалетные кабины из небесно-голубого пластика. Уцелевшие деревья и случайные островки травы выглядели почти неуместно.

В районе Балтимора эстакада взлетела, сверху открылась даль с тусклой водой залива, старым ржавым мостом, пакгаузами и цементным заводом, совсем седым от налипшей пыли. Слева высился новый стадион. За ним начинался город: я узнал тонкую башню с часами, разглядел зеленую крышу аквариума, куда мы водили детей лет пять назад смотреть акул.

Собрался дождь. Первые капли, тяжелые и редкие, забарабанили по стеклу и крыше. Неожиданно потемнело, придорожные фонари подслеповато заморгали и зажглись белесым светом. Утро превратилось в полноценные сумерки.

Сверху весомо ухнул гром, и тут же, словно по сигналу, обрушился ливень. Я включил дворники. Они металась по стеклу, беспомощно захлебываясь в потоках поистине тропического дождя. Пришлось сбросить скорость, дальше третьей машины впереди ничего не было видно.

Ландшафт, утратив угловатость, перешел из материального состояния в разряд декораций для нейтральных сновидений. Иногда из мелового марева выныривала железная рука какого-то крана, а то вдруг нависал серым брюхом пролет моста без конца и без начала. По обочинам угадывались невысокие строения, за ними было бело, я без труда представил, что там дальше простирается бескрайняя заснеженная степь. А может, пустыня или даже океан.

Робкие водители притормаживали, съезжали на обочину и там сидели в мокрых машинах за потными стеклами. Храбрецы и дураки вроде меня продолжали шпарить сквозь бешеный ливень почти вслепую. Иногда мне казалось, что машина скользит по мокрому асфальту, как по мыльному кафелю. Ощущение напоминало спазм восторга свободного падения, когда жизнь сжимается до текущего мига, когда нет ни прошлого, оно безвозвратно кануло и значения не имеет, ни будущего, будущее еще не родилось, его просто не существует, оно под вопросом. Впрочем, будущее всегда под вопросом.

Где-то в штате Делавэр свернул на заправку. В придорожной харчевне взял кофе и сомнительный крендель с привкусом жареной рыбы. Сел в угол, приглядывая за входной дверью. Откусил от кренделя еще раз – определенно треска – завернул хлебулочное изделие в салфетку и отодвинул на край стола. Кофе, к удивлению, оказался вполне сносным, а главное, горячим.

Достал телефон, начал проверять почту. За последний месяц я трижды менял адрес. После того как муфтий Абдул-Азиз публично проклял меня в своей фетве и приговорил к смертной казни, призвав мусульман всего мира исполнить приговор, а фонд Хордад объявил вознаграждение в полтора миллиона за мою голову, я получал сотни три посланий ежедневно. В основном с описанием разнообразных мук и пыток. Иногда тексты иллюстрирова-

лись фотографиями отрезанных голов или каких-то решительного вида молодцов в вязаных масках на фоне зеленых тряпок. Чаще там была просто ругань.

Я пробежал глазами семьдесят два сообщения, удалил все, не открывая, кроме письма из банка и счета от дантиста. Допил кофе. В туалете почерпнул важную информацию, что Кэт здорово делает минет, тут же, на стене, был нацарапан телефон девушки. Долго мылил руки, без особой симпатии разглядывая свое лицо в мутном зеркале.

Когда я вышел из харчевни, ливень уже кончился. Солнце, стараясь наверстать упущенное, жарило вовсю. Из промокших кустов кричали птицы, от асфальта поднимался пар. Дымились чахлые деревья, красная крыша бензозаправки. Дымилось шоссе, по которому с сумасшедшей прытью неслись разнокалиберные машины. Мой джип курился бледным паром, словно только что вернулся из какого-то адского путешествия. Воняло бензином, от духоты рубаха тут же прилипла к спине. Я сел, включил зажигание и вывернул кондиционер на максимум. Поймав просвет, дал газ и втиснулся за молоковозом с мэрилендским номером.

Придорожные ландшафты штата Нью-Джерси отличались устойчивым и каким-то изысканным уродством, казалось, кто-то специально придумывал наиболее оскорбительные для глаз пейзажи. Общей темой на протяжении двух часов оставалась стройка, словно шоссе проложили через нескончаемую строительную площадку.

Монстроподобные агрегаты завязли в горах рыжей грязи, из недостроенных стен торчали пучки ржавой арматуры, бетономешалки походили на неразорвавшиеся бомбы. Из-под них на дорогу вытекали зигзаги белесой жижи. Иногда мимо пролетала заброшенная фабрика: мертвые трубы, кирпичные стены в граффити, выбитые окна. Иногда проскакивала лачуга с чахлым огородом и печальным негром в плетеном кресле на крыльце. Воображение дорисовывало тощую кошку, спящую на ступенях.

Проносились гигантские рекламные щиты цыганских расцветок. Девушка с порочными глазами невозможно бирюзового цвета держала веером карты – все тузы, никак не меньше пяти. Надпись уверяла, что в Атлантик-Сити тебя ждет удача, надо лишь свернуть направо на выезде номер двадцать три. Адвокаты с лицами сытых негодяев вопрошали: «Угодил в аварию? Получил увечья?» и тут же успокаивали: «Не беда – может быть, это твой шанс стать миллионером!» Строгий шрифтовой плакат сурово заявлял: «Я на твоей стороне», внизу скромно стояла подпись – Бог.

Около полудня случился затор. Мили полторы мы ползли со скоростью неспешно фланлирующего пешехода: я втыкал первую, дотягивал до второй, скидывал на нейтралку, снова тормозил. Встречные машины, отделенные от нас пыльным газоном, весело неслись на юг. Мы, стремившиеся на север, поглядывали на счастливых с угрюмой завистью.

Причиной пробки оказалась авария. Огромный «линкольн-навигатор», черный и сияющий лаком, как концертный рояль, лежал на боку. Крыша джипа была смята, в грязной луже из масла и битого стекла валялась женская туфля на шпильке. Оторванный капот отлетел метров на десять и воткнулся в кучу строительного песка. Вокруг «линкольна» бродили хмурые полицейские, сновали медики, несколько служебных машин с включенными маяками стояло на обочине.

Зеваки из ползших мимо машин тянули шеи, пытались разглядеть труп или хотя бы пятна крови. Труп, скорее всего, уже увезли. Насчет трупа я не сомневался, уцелеть в такой катастрофе было невозможно. Интересно, что имел в виду Господь, когда уверял бедную дамочку, что Он – на ее стороне? По странной причине именно эта модель «линкольна» была особо популярна среди работников службы безопасности и домохозяек из богатых пригородов.

Живописная сцена дорожной трагедии осталась позади, воспитательный эффект продлился недолго, через пару минут мой левый ряд уже выжимал под девяносто. По правую руку с ревом неслись восьмиосные грузовики, сияющие никелем и сталью и похожие на

межконтинентальные ракеты. Управляли ими, скорее всего, роботы или камикадзе – тормозной путь у груженого трака на такой скорости составляет около ста ярдов.

Настырный рыбный фургон с красными иероглифами на борту попытался втиснуться между мной и «ауди» с нью-йоркским номером, я прибавил газу и почти уперся в бампер «ауди». Обозлясь, японец-рыбовоз резко вильнул в мою сторону, чуть не сбив зеркало. Потом по диагонали ушел вправо, подрезав семейный автобус из Огайо с остроносой колли и мексиканской девчушкой в заднем окне.

Впереди, почти сливаясь с белесым небом, зачарованным островом проступил контур Манхэттена – игрушечные башни, шпили, островерхий конус Крайслера. Я подумал, что хорошо бы обогнуть Нью-Йорк, но навигатор уверенно направлял меня в сторону моста Джорджа Вашингтона, до которого, согласно дорожным указателям, оставалось четыре мили.

9

Около четырех, где-то в штате Коннектикут, когда я заливал бензин в свой «рэнглер», из фанерной туалетной комнаты, пристроенной к бензоколонке, вышла ладная девица с яркими, только что покрашенными губами и до блеска расчесанными медовыми волосами. Она, брезгливо потирая ладони, быстро взглянула на меня, достала ключ, щелкнула в сторону белого «ягуара». «Ягуар» подал голос и моргнул фарами. Я подумал, что четырнадцать лет не спал ни с кем, кроме Хелью. Девица, посмотрев в мою сторону, села, хлопнула дверь. Лихо вырулила на шоссе, едва не столкнувшись с рыбным фургоном, который заезжал на заправку.

Рыбовоз встал у соседней колонки. Из кабины на асфальт спрыгнул шофер, крепкий детина в желтых солдатских ботинках. Я повернулся спиной и уже завинчивал крышку бака.

– Эй! – раздалось сзади. – Я узнал твою тачку. Слышь, ты?

За десять шагов шофер рыбовоза выглядел румяным здоровяком; когда он подошел ближе, оказалось, что правая сторона лица и шея у него были обожжены и покрыты розовой кожей, сморщенной, как засохшая молочная пенка. Из расстегнутой рубахи на бугристой, словно гофрированной, безволосой груди синели остатки какой-то татуировки.

– Чего воротишься, противно смотреть? – Он поймал мой взгляд. – Да?

Я пожал плечами, приоткрыл дверь машины.

– Ты погоди... Когда с тобой разговаривают... – Шофер ухватил меня за локоть.

– Убери руку.

– Спешишь сильно? – Он приблизился, воняя потом и чесноком.

Правое ухо его почти сгорело и было похоже на розовый эмбрион. Он зло сплюнул мне под ноги. Где-то вдали захлеб зарыдал ребенок.

– Вот пока такие сытые гниды, как ты, дрючили здесь девок... мы там, в пустыне, свои жопы подставляли... Там, в этой блядской пустыне... – Он, распаяясь, нервно дернул головой. Правая сторона лица казалась маской. Мертвой розовой маской. Глаз, без ресниц и брови, равнодушно блестел, как стекляшка. – В этих горах...

– Мужик, – глядя ему в лицо, тихо сказал я. – Уйди от греха. Прошу тебя.

Шофер запнулся.

– Христом-богом прошу: уйди, – повторил я.

Он нерешительно отпустил мой локоть. Я сел в машину, он снова сплюнул и хотел что-то сказать.

– Молчи, – перебил я. – Молчи. И вези свою рыбу, пока не протухла.

10

Вермонт встретил меня талантливо задуманным закатом. Солнце из лимонно-желтого стало медным, потом, потемнев и словно налившись малиновым жаром, сползло в седловище между двух сизых гор. Там застряло, словно запутавшись в тонких слоистых облаках, плавая их и зажигая кружевные края. Машин стало меньше, после они исчезли вовсе. Я выжимал восемьдесят, изредка по встречной полосе проносились могучие лесовозы, груженные рыжими сосновыми стволами. Иногда я обгонял битый фермерский грузовик или кособокий седан-инвалид.

Я открыл окно, пахнуло лесом, мокрой хвоей. Сквозь гул мотора я услышал свист птиц, треньканье придорожных кузнечиков. Живя среди заторов, многоярусных развязок, светофоров и забитых перекрестков, я совершенно забыл, что езда может доставлять удовольствие. Чистую детскую радость, почти восторг. Как тогда, когда тебе впервые доверили баранку.

Я опустил все стекла, тут же ворвался ветер, и по салону, как мотыльки, замельтешили квитанции за минувшие парковки, какие-то старые чеки... Зачем-то начал их ловить, потом засмеялся, махнул рукой – черт с ними, пусть улетают. Попытался петь, но из этого ничего не вышло, и я включил радио. Среди бескрайнего треска набрел на тоскливое кантри: под унылую гитару некто нетрезвым голосом сипло жаловался на отсутствие смысла в жизни, после того как крошка-зайка-малышка уехала с Биллом в большой город. Я оставил страдальца, отправился дальше на поиск. Второй станцией оказалась классическая. Больше в эфире не было ничего.

После рекламы включили Шопена. Он пришелся как раз кстати, поскольку на западе торжественно отыгрывали багровый финал, а с юга, зловеще клубясь, разливалась и наползала чернильная хмарь. Оттуда глухими раскатами доносился гром. Утренней грозе, от которой я улизнул в Нью-Джерси, удалось-таки снова меня догнать.

Порыв ветра пригнул деревья, прошелся по лесистым холмам упругой серебристой волной, обнажая бледную изнанку листвы. Стало по-осеннему свежо, почти холодно. Мелькнул желтый знак со словом «Лось». Я не понял, что имелось в виду, и вдруг на обочине увидел огромного лося, жевавшего листву придорожного орешника. Я инстинктивно сбавил скорость и включил фары. Внешний мир тут же потемнел и стал плоским, небо, утомясь пожарными красками, нахмурилось и посерело. Больше половины уже затянула черная туча. Дальние холмы выросли в настоящие горы, они незаметно подкрались к самому шоссе, иногда нависая гранитными стенами, иногда вставая лесистыми громадами. Дорога запетляла, стали появляться знаки «Камнепад».

До меня вдруг дошло, что я за час не встретил ни единой живой души (если не считать лося), ни одной фермы, мотеля или бензоколонки. Я достал телефон: на экране растерянно моргала надпись «Ищу сигнал». Я мысленно пожелал телефону удачи и бросил на сиденье.

Согласно навигатору к месту назначения я должен прибыть в восемь пятьдесят.

– Если меня не завалит камнями или не атакует придорожный лось, – сказал я, щелкнув по экрану навигатора.

Шопена оборвали на полуфразе, диктор красивым баритоном оповестил о приближении урагана.

– Порывы ветра могут достигать семидесяти пяти миль в час, возможен град, – сообщил он. – В низинах возможно наводнение. Если вы находитесь в машине и на дороге вам встретится вода, не пытайтесь пересечь преграду. Ваш автомобиль может унести потоком. – Диктор драматично выдержал паузу. – Безобидная лужа может оказаться смертель-

ной ловушкой. Данное сообщение предназначено для Южного Вермонта, округов Эссекс и Оранж, городов Монпелье, Брикпорт...

Баритон принялся перечислять местные названия. Эта топонимика была для меня пустым звуком, но судя по нарастающим порывам ветра, я находился именно там, в одной из вышеназванных географических точек.

– А теперь обратимся к одному из наиболее знаменитых творений Шопена, вы узнаете этот ноктюрн по первым аккордам.

Диктор оказался прав, аккорды я узнал, но для меня стало откровением, что это Шопен. Потом вспомнил. Это был саундтрек в рекламе антидепрессантов, там в конце отеческий голос советовал: спросите своего врача о нашем лекарстве, возможно, помощь совсем рядом. После по экрану шел мелкий текст с предупреждением о побочных эффектах пиллюль – от безобидного внутреннего кровотечения до навязчивых мыслей о самоубийстве.

Ливень обрушился плотным водопадом. Ландшафт исчез, исчезло и шоссе, оно теперь ограничивалось мутным пятном от моих фар. Ветер подхватывал струи дождя и гнал параллельно асфальту. Быстро темнело. Из-за грохота ливня и шопеновских аккордов я прозевал сообщение навигатора.

– Что? – крикнул я в экран. – Что ты сказал?

Навигатор послушно повторил. Он предупреждал, что через милю я должен свернуть на шоссе номер двадцать пять. Правый поворот.

Поездка становилась интересной. Я с трудом различал разделительную разметку в трех метрах от меня. Иногда, поймав луч фар, мутным призраком вспыхивал какой-то дорожный знак на обочине. Дальше вставала гробовая темень. «Кромешная» – вспомнил я слова капитана Ригли.

Поворот на двадцать пятое я нашел почти на ощупь. Это была дорога местного значения в две полосы, разделенные желтой линией. Навигатор невозмутимо утверждал, что до лачуги покойного охотника оставалось всего миль пять. К этому времени начался град. Повороты шоссе стали круче, затаеивей. Я понятия не имел, что таится за обочиной – бездонная пропасть, дикие скалы, обрыв с бурной рекой, Тартар.

Из-за поворота выскочили фары и понеслись на меня. Я вильнул вправо, джип занесло, я едва удержался на дороге. Мимо, громяхая, пролетел лесовоз. Вспыхнув рубинами задних габаритов, пропал в черноте.

– Местные, мать вашу! – выругался я. – Дровосеки хреновы...

Шопен начинал мне нравиться. Наверное, что-то общеславянское в упоении безысходностью. Когда боль становится почти наслаждением, а приближение краха ожидаешь с растущим восторгом. Я вошел в поворот, прибавил газ, чувствуя, как резина скользит, теряя связь с асфальтом. Теперь я уже не видел ничего, кроме косога града и петляющей желтой полосы посередине шоссе.

– Вы прибыли к месту назначения, – неожиданно оповестил меня навигатор. – До свидания!

– Эй! – закричал я. – погоди! Какой «до свидания»!

Я затормозил, осторожно съехал на обочину. Мои фары нависли над черной лужей неизвестной глубины, за водой угадывались стволы деревьев. Аккуратно тыкая указательным пальцем, я снова набрал вермонтский адрес. На экране навигатора появилась надпись «Ошибка».

– Ну ты и сволочь... – тихо пробормотал я и выключил радио.

Глубоко вдохнул, терпеливо повторил все сначала. На экране долго крутилась иконка песочных часов; под нервную дробь града и дождя по крыше я неотрывно следил за их вращением. Часы исчезли, экран вспыхнул голубым. Неожиданный женский голос вдруг заговорил по-французски. Из длинной фразы удалось разобрать лишь «силь ву пле».

Я сорвал гнусный прибор со стекла – он отлепился с распутным чмоком – опустил стекло и выбросил мерзавца в ночь, во мрак, в черную бездну.

Град кончился, остался лишь ливень. Было непонятно, откуда у них там наверху столько воды. Самым разумным будет переждать дождь на обочине, подумал я. И снова вырвался на шоссе.

Со скоростью в пятнадцать миль я полз по краю дороги, пытаюсь сквозь темень разглядеть хоть какие-то признаки человеческого присутствия – дом, сарай, хотя бы забор. Ничего, кроме мокрых стволов, диких камней, черных еловых лап, нависающих над дорогой. Я включил радио, Шопена не было – станция пропала, из динамиков доносилось лишь унылое шипение. На меня вдруг накатила страшная усталость, изнеможение. Мне показалось, что я плутаю уже целую вечность. Или что это сон. Или что я уже умер.

Безумно захотелось выпить. Глоток бурбона наверняка расставил бы все по своим местам. Тут мне навстречу выплыл столб с жестяным почтовым ящиком. Я притормозил, пытаюсь разобрать имя на ржавом боку. От имени остались лишь «R» и несколько загадочных иероглифов. За столбом виднелась прогалина, туда, в чащу, уходила колея.

Я выматерился и свернул. Колея резко пошла под уклон, я выжал тормоз, но джип все равно полз, хрустя сырым гравием. Я воткнул первую передачу, фары выхватили стволы каких-то могучих, почти доисторических деревьев. По стеклу мокрой тряпкой хлестнула еловая ветка, дорога сделала петлю, и я выкатил на горизонтальную поверхность. Свет моих фар уперся в крыльцо. Мокрые ступени, дверь, кресло-качалка.

Я выполз из машины, ноги затекли и не гнулись. Попытался выпрямиться, спина тоже не разгибалась. Почти моментально я промок насквозь. Поднялся по ступеням, чертыхаясь, проковылял к двери. Постучал.

Дождь колошматил по крыше крыльца. Я пару раз пнул дверь ногой, приложил ухо. Ни звука. Я вытащил из кармана ключ, нащупал замок. Ключ легко вошел и повернулся. Я толкнул дверь, она распахнулась.

– Эй! – крикнул я в темноту дома. – Есть кто живой?

Переступив порог, нашарил на стене выключатель. Дохлая желтая лампа осветила пыльную прихожую с низким деревянным потолком. Из стены торчала оленья голова с печальными карими глазами.

– Здрасьте...

Я осторожно потрогал олений нос, он был мягкий, как из замши.

Вернувшись под ливень, я заглушил мотор, вытащил из багажника сумку. Все тело ныло, болела каждая мышца – я крутил баранку ровно двенадцать часов. Поднялся на крыльцо; чертов ключ застрял в замке, сколько я ни крутил и ни тянул его, никак не хотел вылезать. Я плюнул и захлопнул дверь, оставив ключ снаружи.

Прихожая вела в большую темную комнату, похожую на гостиную. Там пахло старым деревом и мокрой сажей. Я пощелкал выключателем – никакого результата. Свет из прихожей едва добивал, но мне удалось разглядеть камин, рядом два кресла. Я пошарил по каминной полке и нащупал спички. Спички не отсырели, тут же рядом нашлась свеча.

Опустился в кресло, подняв подсвечник над головой, огляделся. По бревенчатым стенам висели рогатые головы – косули, олени, невероятных размеров лосиная голова с презрительно выпяченной нижней губой. Камин был сложен из дикого камня, рядом висели кованые щипцы, кочерга, какие-то крюки инквизиторского вида.

У камина на сервировочном столе тускло мерцали разномастные бутылки. Покойный тесть капитана Ригли определенно начинал мне нравиться. Я выбрал ополовиненную бутылку ирландского виски, вернулся в кресло. Поставив свечу на пол, вытянул ноги. Искать стакан не было сил, да и ни к чему мне стакан – я свинтил пробку, дружелюбно кивнул высокомерному лосю и сделал большой глоток из горлышка.

Глаза сами закрылись, пропали мертвые рогатые головы, передо мной снова понеслась дорога, бесконечная желтая полоса, засновали по ветровому стеклу неутомимые дворники. А дождь все лил и лил. Лил и лил. Мне вдруг пришла в голову странная мысль: я ведь открыл дверь своим домашним ключом. Ключ, что дал мне капитан, остался лежать в боковом кармане дорожной сумки.

11

Меня разбудил стук в дверь, вкрадчивый и настырный, как туканье дятла. Он вкрался в мой сон: я голый сидел на каменном полу по-турецки и сдавал экзамен по некой дисциплине расплывчатому преподавателю с лицом сома. Предмета я не знал, сом начал сердиться и вдруг зацокал, как белка.

Просыпаясь на ходу, я ударился коленом о кресло, сбил со стола какую-то звонкую дрянь, которая весело запрыгала по полу, добрался до прихожей и распахнул дверь.

На пороге стоял человек; я разглядел лишь контур – за ним пылал ослепительный расцвет. Солнце било прямой наводкой: мокрые листья, стволы деревьев, трава сияли, словно были посыпаны битым стеклом. Я загородился ладонью от солнца, пытаюсь разглядеть гостя.

– А где Лоренц? – спросил он.

– Вы зайдите, – сипло пригласил я, отступая в прихожую.

– Не, спасибо... Я думал, это Лоренц... – Он замялся. – Вот решил к завтраку. Вы ведь не завтракали еще?

У него был ласковый голос и рыжие буйные волосы, мне наконец удалось разглядеть незнакомца. Невысокий, в круглых учительских очках, в мешковатом комбинезоне цвета сухой грязи, он напоминал рассеянного подростка – над такими обычно потешается весь класс, таким пишут обидные глупости на спине мелом и тайком под партой связывают шнурки.

– Вот. – Он сунул мне в руки картонную упаковку и сверток, похожий на холодный камень. – Там яйца. Утренние. А это Сэм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.